

Ирина СОЛЯНАЯ

БЕНЕФИС КАПИТОНА КОРЯЦКОГО

Фуфочка Сыромятова внезапно прослыла вольнодумной девицей. Стоило только съездить в столицу к тётке. А там балы, театры, новые веяния, аглицкая речь и турнюры.

— Была девушка, стала кобылка. Фыркает, каблуком бьёт и, прости господи, зад оттопыривает, — возмущался папенька Фуфочки, — и суждения стала такие высказывать, что впору за голову хвататься. Про женский вопрос, про крестьянскую реформу и роль искусства в сельской жизни. Точно не в купецкой семье осмнадцать лет воспитывалась. Тьфу.

Девушка привезла целую кипу модных журналов, ворохи муслина, тафты и тюли. А ещё на дне её чемодана были припрятаны «Отечественные записки». Одно успокаивало папеньку, что Фуфочка их не открывала. Ни закладочек, ни измятых страниц, ни уголков отогнутых. Марфа за этим проследила. И всё-таки душа Автонома Демьяныча Сыромятова была в смятении. Грустная пелена омрачала мощный лоб купца первой гильдии. Дочь не единственная, но старшая. Как упустишь — остальные тоже по кривой дорожке пойдут. Да и слухи по Рыбинску побегут: «В дому у Автонома Демьяныча народоволка растёт».

Вот и сегодня утром за чаем, Фуфочка была неприветлива, губы дула и к папенькиной ручке только раз приложилась, чуть не забыла испросить благословения. Но уж на пороге комнаты одумалась и вернулась.

— Ты мне того-этого, брось, Феофания, — строго сказал Автоном Демьяныч, — книг меньше читай, а журналы в печке спали. От них морщины на лбу и несварение. Сиди у окошка, птичек слушай. Или в саду прогуляйся, пока комаров нет.

— Слушаю, батюшка, — присела она в книксене.

— И словоёрс добавляй, негодная! — припечатал ладонью по столу Автоном Демьяныч, аж блюда подпрыгнули.

Младшие прыснули, но тут же уткнулись в свои тарелки. Парамоша хитро посматривал на отца, а Дуняша — на няню. Что-то будет? Батюшка уж больно грозен нынче.

Фуфочка во флигель пошла слёзы лить. Парамоша с Дуняшей к папенькиной ручке приложились, он их размашисто окрестил и по двугривенному дал на леденцы. Потом приказал внести второй самовар и подать почту. Когда няня увела младших, Автоном Демьяныч позвал старую тётку, что приживалкой жила.

— Я ж пощусь, благодетель. До завтрашней службы ни ем и токмо воду и пью, — поклонилась Марфа, — а чтобы не смущаться, и к столу не выхожу.

— Кипятку-то не жалко, — махнул рукой Автоном Демьяныч, — дело есть.

Марфа сжала губы скобкой, от чего стала похожа на сушёную грушу для взвара и села за стол к племяннику, шурша крахмальным передником.

— Фуфочка наша... Как из Москвы вернулась, точно подменили её. А всё та, Куприяновская, сторона виновата, — вздохнул Автоном Демьяныч, намекая на родственников покойной жены, — с лица спала, исхудала. С утра кудри навертит, а к обеду платком покроется, чисто монашка. То барежевое платье с открытыми плечами напялит, а то в шаль укутается и сидит сычом. А давеча кто-то букет незабудок прислал, без записки. Так она, голуба моя, вскинулась и ну порхать по комнате.

— Это, благодетель, всё девичье, очевидное, — прошамкала Марфа, прихлёбывая кипяток.

— Что значит «очевидное»? — насторожился Автоном Демьяныч.

— Дела сердечные.

Автоном Демьяныч из сердечных дел был знаком только с грудной жабой, от которой упокоился его тесть, и очень разволновался. Пришлось послать записочку к домашнему лекарю Мюллеру. Тот явился ещё до обеда, увидел встревоженного Автонома Демьяныча и сразу достал пузырёк с успокоительными каплями.

— Боже меня сохрани от вашей немецкой дряни.

— Нервы шалят-с? Кровь в голову бьёт-с? Непорядок. Профилактика, Автоном Демьяныч. Нынче каждый о ней должен думать-с.

— Нету у меня никакой профилактики, а чтобы и у других не было, вовремя спать ложиться надо да дурного в голову не брать и водочку с кем попало не кушать.

— Воля ваша-с, — согласился Мюллер и капли выпил сам, — а что же за хворь у вас, уважаемый Автоном Демьяныч? В боку колет-с, или под колено стреляет-с?

— Надо бы Феофании Автономовне лечение приписать. Жабу грудную я у неё подозреваю, — мрачно сообщил папенька.

— Как же так? Я давеча встретил её в городском саду-с, выглядела она здоровёхонькой. Разрумянилась, как розанчик-с.

— А всё ж лечение ей потребно, — шлёпнул ладонью по столу Автоном Демьяныч и налил себе квасу.

Опорожнив кувшин, он вытер ладонью пышные пшеничные усы и окладистую бороду, кликнул горничную, велел позвать Фуфочку. Та явилась в дурном расположении духа. Веки были красны, как и кончик вздёрнутого носа, а щёки, наоборот, бледны.

Лекарь Мюллер поздоровался и заявил, что перед назначением лечения ему совершенно необходимо барышню осмотреть. Автоном Демьяныч недовольно скривился:

— На что тут смотреть? Барышня как барышня, средней упитанности, коса до пояса. Разве что подъёмистой ногой в матерь пошла, не укупишь башмаков, а так-то обычная Феофания Автономовна.

— Папенька, ничего вы не понимаете! Я ничем не больна! Мне душно, душно тут! — вскричала Фуфочка и бросилась вон из комнаты, не стерпев обычных отцовских насмешек.

— Дела-с... — протянул лекарь.

— Коли душно, так можно и окошки отворить. На то они и окошки, чтобы вольный воздух пускать, — изрёк Автоном Демьяныч и предложил лекарю водки и зазвал на обед.

В два часа пополудни подали ушицы, кашу с грибами и постным маслом. Автоном Демьяныч кстати вспомнил о том, что негоже в пятничный день мясцом баловаться. Для малышей напекли пирожков-ягодников. Лекарь активно работал челюстями. Автоном Демьяныч пофыркивал, справляясь между переменами блюд о местных новостях. Фуфочка ела без аппетита. Всего-то уговорила две тарелочки ухи, половничек каши, да пяток мелких пирожков, и то последний только надкусила. Очень папеньке не нравился её томный вид. Чтобы хоть чуть дочь развеселить, он развернул газету, что валялась с утра в столовой. Повел глазами по колонкам и увидел на последней странице объявление.

— Художественный театр из столичного города показывает драму в трёх действиях с двумя антрактами. Сочинение Петра Смурнова «Расплата за любовь». Бенефис Капитона Коряцкого. Постановлено будет в первый раз, со среды продажа билетов, касса работает с восьми до шестнадцати.

— Ах! — воскликнула Фуфочка и приложила платочек сначала ко лбу, потом к губам. — Бенефис Капитона Коряцкого! Неужели же... Ведь обещал...

Вскочила и выбежала прочь, не добавив больше ни слова. Автоном Демьяныч и лекарь Мюллер переглянулись. Очень уж папеньке эта Фуфочкина выходка не понравилась.

— Сдаётся мне, они знакомы, этот Капитон и моя дочь. Только вот где снюхались, каналы? — грозно спросил Автоном Демьяныч неизвестно у кого, обводя острыми глазами столовую. Дуняша и Парамоша вжались в стульчики.

— Дело молодое-с, — хихикнул лекарь и опрокинул рюмашку внутрь, занюхав обшлагом рукава, и распрощался с почтенным семейством.

Автоном Демьяныч послал мальчишку на побегушках за будущим зятем Захаром Куличковым, тоже купцом первой гильдии. Тот пришёл в лавку Автонома Демьяныча и по-хозяйски окинул взглядом полки со скобяными товарами. Крепежи, крючки, петли, навесы, дверные ручки, замки и запоры... Всё, чтобы зацепить покупателя и не отпустить. Захар поклонился Автоному Демьянычу и с почтением спросил, в добром ли он здравии и в чём состоит причина поспешной встречи.

— Ох, Захарушка, — покачал головой Фуфочкин папенька, — ты понимаешь что-нибудь в театре?

— Для нашего Рыбинского я поставлял-с тридцать пять аршин превосходного алого бархату для шитья занавеса.

— Сразу видно образованного человека! — восхитился Фуфочкин папенька и пригласил Захара в кабинет, где обычно принимал поставщиков. Что уж там они мараквали, известно только им обоим. Разговор начался с упреков Автонома Демьяныча, дескать, получше надо было за Фуфочкой ухаживать, чтобы не влюбилась она в актёршу, а закончился уверениями Захара Куличкова, что дельце будет обстригано в

лучшем виде.

— Будем считать это кумпанией на паях, — заключил Автоном Демьяныч, похлопывая будущего зятя по плечу.

На следующее утро Фуфочка за завтраком была чрезвычайно мила и любезна. Сама чай разливала и маковые крендели раскладывала. Повязала отцу салфетку и аккуратно бороду расправила.

— Папенька, дорогой мой, — пролепетала она умильно, — скучно вечерами. Почему бы не сходить в театр? Весь город афишами заклеен, и у меня платье есть новое, шёлковое. В самый раз надеть.

— Вот уж время тратить на пустое, — буркнул Автоном Демьяныч, всем своим видом демонстрируя полное равнодушие к развлечениям, — да и пост.

— Папенька, дорогой мой, спектакль — дело богоугодное, там история про неверную жену... Её за измену покарали.

— Почём знаешь? — папенька рыкнул и грозно свёл брови к переносице, — В Москве с Куприяновыми ходила?

— Не только с Куприяновыми, но и с отцом Филимоном. Тот как раз гостил.

Фуфочка захлопала ресницами и угодливо улыбнулась, зная, что отец Филимон пользовался непререкаемым авторитетом в семье. Папенька хмыкнул и снова кликнул мальчишку на побегушках.

— Два билета на спектакль, где хошь, а достань, на самолучшие места, — буркнул Автоном Демьяныч и сунул два билета ассигнациями, — а ещё разузнай всю подноготную про этот спектакль. Богоугодный али нет. Ежели там какая крамола... — и выразительно приложился ладонью к столу.

Мальчишка кинулся со всех ног исполнять поручение.

К ужину у Автонома Демьяныча была полная картина происходящего. Он пришёл в лавку, простоявшую полдня под замком, проверил тетради с записями товаров, денежного прихода, должников и рассрочек и вздохнул: «Простой — дело негоднее. Да ещё билеты по три рубля в пятый ряд! По миру пустят они меня со своим бенефисом. Профилактика со мной приключится, ей-богу!»

За столом огорошил Фуфочку неожиданным известием:

— Всё каналы раскупили. Ишь, как к столичной культуре тянутся. Но Захар Пантелеевич записочку прислал, что достал контрамарки в партер.

Фуфочка всплеснула руками. Это же означало, что на спектакль она пойдёт не только с папенькой, которого ещё можно было терпеть, но и с Захаром Куличковым, которому давно надо было дать от ворот поворот.

— Папенька... — надула она губки.

— Вот те и папенька! — хмыкнул Автоном Демьяныч. — А опосля ужин в ресторации. Захар устраивает в честь приезда столичных артистов.

Мгновенно у Феофании Автономовны настроение переменялось. Раскрасневшаяся от счастья, она уткнулась в тарелку и стала энергично ковырять одинокую овощную котлетку.

Наутро она еле дождалась Аннушку, свою подругу, которая умудрилась-таки купить в партер билеты на «Расплату за любовь». Аннушка заявила к приличному для визита времени, ровно к полудню. Уж она-то приготовила историю о невероятном бенефисе Капитона Коряцкого. За беседой двух молодых и неразумных барышень наблюдала Марфа, вязавшая крючком шаль.

— Вообрази себе, душенька, — начала Аннушка, усевшись в кресло и расправив складки на платье, — театр полон, везде огни. В ложе сам градоначальник со своей женой и долговязым Жоржиком. На балконах офицеры. Сплошь бравые красавцы. А в зале публика какая-то странная. Точно ряженые. Я удивилась неимоверно, всё их рассматривала.

— А спектакль? — в волнении перебила Аннушку Фуфочка. — Что спектакль?

— А... Да ни то и ни сё. Зрители так шумели и топали ногами, так свистели и гукали... Что мы с маменькой ещё до антракта домой ушли.

Фуфочка в волнении вскочила с тахты и всплеснула руками. Марфа хмыкнула и продолжила вязать, шустро крутя запястьем туда-сюда.

— Представь себе, когда зрители покидали театр, — продолжила Аннушка, — то господин градоначальник очень уж возмущался. Сказал, что такого безобразия он отродясь не видывал и что теперь все представления будет нужно специальной комиссией показывать, прежде чем продавать на них билеты порядочным гражданам.

— Бог ты мой, — закрыла лицо руками Фуфочка, — что же могло случиться? Что со спектаклем не так?

— То-то и оно, что вроде бы всё так. В начале сцена чаепития в саду, потом бурное любовное объяснение в стихах. А потом публика как начала свистеть да хрюкать... Вот ведь какое дело — ни слова ни разобрать, что на сцене делается. Актриса застыла, как

жена Лота, и замолчала. А Капитон Коряцкий, который играл месье Анжу, продолжал, как ни в чём не бывало, но потом и он стушевался.

— Ах, душенька Аннушка, вовсе не Капитон Коряцкий виноват в том, что спектакль провалился, вовсе не он! — вскричала Фуфочка.

— А кто ж, как не он? — вмешалась Марфа. — Ежели спектакль безобразный, так и публика об этом завсегда укажет. У нас, помнится, был дячок в Покровском храме, господи прости. Завсегда назюзюкается и на службу выходит. Так мы прошение писали в епархию, чтобы его убрали прочь.

— Марфа, ну это же совсем другое! — простонала Фуфочка и без сил рухнула на тахту.

Целый день у девушки были глаза на мокром месте, а папенька за обедом, напротив, пребывал в превосходном настроении и даже почитал вслух вестник: «Неожиданный эффект на рыбинских зрителей произвела современная пьеса Петра Смурнова. Разгневанные жители города не оценили сюжет о супружеской измене и выразили своё негодование как режиссёру, так и всей труппе Художественного театра. Неслыханный для Рыбинска случай может в корне изменить организацию гастролей».

— Ни слова не поняла, кроме того, что показывали крамолу, — поджала губы Марфа и похлебала жидкого супчика.

— А билеты в среднем по три рубля, — покачал головой папенька и велел подать леща с кашей.

— Всё ещё выправится, я уверена, — гордо вскинула голову Фуфочка, — единственный случай ещё не система.

— И опять ни слова не поняла, — сообщила Марфа и строго посмотрела на девушку.

— Сегодня вечером лекарь наш со своей Мюллершей на спектакль собрался. Уж от него и узнаем, что да как. Система аль нет, — сказал Автоном Демьяныч и ладонью по столу припечатал.

Фуфочка до самого вечера не находила себе места. Металась из комнаты в комнату. То у окошка сядет с журналом, то за вышивку возьмётся. То начнёт нитки вязальные в клубки мотать. То выйдет в палисадник поотщипывать верхушки у отцветших мальв.

— Эх её распирает жаба грудная, — шепнула Марфа племяннику.

— Очень быстро эта жаба лечится, будь покойна, — также шёпотом ответил Автоном Демьяныч.

После ужина, на котором Фуфочка не съела ни крошки, заявила лекарская чета. На нём был парадный сюртук с искрой, а на госпоже Мюллер платье в мелкую клетку и кружевом на воротнике. «Стоил ли того спектакль, ежели же скупердьяй лекарь так расстарался для супруги?» — хмыкнул в усы хозяин и ответ получил тут же.

— Что сказать-то, уважаемый Автоном Демьяныч... Билеты мы покупали-с по рублю, в амфитеатр. Не сказать, что хорошо видно-с, но к билетам и бинокли полагались. И мне удалось рассмотреть всё хорошенько, даже штопку на чулках главной героини, — хихикнул лекарь. После этих слов госпожа Мюллер бросила на мужа взгляд, полный укоризны, и положила ладонь поверх его тощей руки. — По правде сказать, мы с Гансом быстро пересели, как только погасили огни.

— Как так? — удивился Автоном Демьяныч.

— А так, — развёл руками Мюллер, — в театре было полно свободных мест. Куда желаешь — туда и садись.

— Быть того не может! — топнула ножкой Фуфочка, невзирая на строгие взгляды Марфы. — Папенька сказывал, что билеты были раскуплены задолго до представления. Захар Пантелеевич с большим трудом нам контрамарки достал.

— Воля ваша-с, — согласился Мюллер, — а только сели мы в третий ряд и весь спектакль смотрели-с на трёхрублёвых местах, и никогошеньки ни сзади, ни сбоку не было-с. Я ноги вытянул да и вздремнул до антракта-с. Уж больно подагра мучила. А потом прогулялся в фойе и снова того... Подремал-с.

— За рубль можно и дома подремать, — поддел собеседника Автоном Демьяныч, и тот согласился.

— А что же Капитон Коряцкий?.. — тихо спросила Фуфочка госпожу Мюллер.

— Немолод уже, но собой хорош. Кудри льняные до плеч. А уж камзол, шитый серебром, ему так был к лицу. Говорят, — тут госпожа Мюллер понизила голос и наклонилась к девушке, — он сватался к одной генеральской дочке, да ему было отказано, и он... увёз невесту без благословения.

— Вот шельмец! — хлопнул по столу Автоном Демьяныч, в остроте слуха которому отказать было трудно.

Госпожа Мюллер замахала руками.

— Братья той девицы перехватили парочку у самой церкви. Для генеральской дочки всё обошлось благополучно, а вот Капитону Коряцкому не поздоровилось. Только

это история прошлогодняя. Почти забытая. А рассказала мне её в антракте госпожа Митрохина, господина полицмейстера двоюродная тётка.

— Добрая слава в коробочке лежит, а дурная — по дорожке бежит, — сухо и назидательно произнесла Марфа.

— Что можно от актёра ждать? Дурной народишко, их даже на освящённой земле не хоронят, — изрёк лекарь и поднялся раскланяться.

Фуфочка легла спать в унынии. Снился ей Нескучный сад, белая ротонда. Миткалёвое платье, веер, букет незабудок. Капитон Коряцкий, смущённо целовавший ручку, обещающий уговорить антрепренёра устроить спектакль в Рыбинске. Рыбинск... Где он, Фуфочка, на Волге? Далеко... А написать мне домой никак нельзя, папенька все письма проверяет...

Фуфочка проснулась в слезах, уселась у окна в шали, зажгла свечу и до утра слушала неугомонного соловья.

Утро не принесло желанной бодрости, да и день прошёл в томительном ожидании. Папенька был занят делами в лавке, Фуфочка слонялась из комнаты в комнату, утратив ко всему интерес. На уговоры Марфы выпить чаю только всхлипывала. От сдобной сайки отщипнула за обедом румяный бок да так и оставила его на блюде. Горничная села крутить ей локоны да чуть не припала щипцами висок. Всё было не так, даже букет незабудок, присланный желанным инкогнито, не радовал, а увядал и пах пучком сена.

Перед приездом Захара Пантелеевича Фуфочка всё же надела новое платье. Затянутая в рюмочку талия и изогнутый благодаря накладке пониже талии силуэт, походивший на букву «S», отразились в огромном зеркале. Девушка вздохнула.

— Всё будет хорошо, — сама себе прошептала она и услышала, как шаркает по коридору Марфа.

— Иди уж, там жених приехал. Дождивает.

Фуфочка вышла в залу, где Захар Куличков в белом жилете и тёмном фраке поднимал рюмочку за здоровье будущего тестя. Заметив девушку, он встал и поклонился ей, поцеловал ручку, удивившись тому, что она холодна и бледна. Папенька в зелёном сюртуке и при галстукке выглядел в глазах Фуфочки настоящей деревенской дубиной, но уговаривать его надеть приличное платье было занятием бесполезным.

— Чего скуксилась, Феофания Автономовна?

Папенька ущипнул девушку за пухлую щёчку и приставил к кончику её носа свой указательный палец. Фуфочка кисло улыбнулась. Захар Куличков молчал, как в рот воды набрал, и только предложил свой локоть. Она бросила на него взгляд, полный досады, точно не желала такого сопровождения и соседства, но папенька легонько подтолкнул её, и Фуфочка ухватилась за жениха.

Зрителей в театре было полно, и Автоном Демьяныч шумно удивился:

— Эк как раззадорились. Все скандалу хотят? Или к искусству потянулись?

— Поговаривают, вчера билеты продавали в кассу, после высказывания нашего уважаемого градоначальника, — подхватил Захар, — от того зал был пуст. Аж было слышно, как мыши шуршат. А сегодня на удивление публика явилась.

— Надеюсь, зрители не устроят кошачьего концерта? — хмыкнул Автоном Демьяныч, раскланиваясь с кем-то знакомым.

Фуфочка молчала, нервно поглядывая по сторонам. Её мучили самые ужасные предчувствия. Она почти слышала непростой шум и выкрики из зала, видела бледное лицо Капитона Коряцкого в обрамлении золотых локонов и его рыдающую партнёршу по сцене. Фуфочке стало дурно, и она прикрыла веером личико. В изнеможении она села на своё место, зажата с двух сторон папенькой и женихом.

— Не желаете ли, дорогая Феофания Автономовна, лимонаду или оранжаду? — заботливо спросил Захар, но она лишь помотала головой, вперив горящий взор на театральный занавес с вышитой серебряной лирой.

Автоном Демьяныч вытащил из кармана сюртука золотую луковку часов и выразительно взвесил в ладони. Фуфочка вздохнула. Она сидела близко к сцене и представляла себе, что может увидеть штопку на чулке актрисы, отчего её и коробило, и мутило одновременно. Зрители заполняли зал, и редкие кресла оставались пустыми. Дамы и кавалеры шумно перешёптывались, пересмеивались. Фуфочка несколько раз нескромно оглянулась, ожидая увидеть ряженых, о которых говорила ей Аннушка, но ничего подозрительного не заметила. Постепенно она успокоилась и просто вяло смотрела перед собой, созерцая проплешину почтмейстера, прикрытую жидким рыжим волосом, залезанным слева направо. Его жена и дочь высоко взбили причёски, показывая тем самым полную неосведомлённость о театральных обычаях. В столице никто не явился бы на спектакль в платье с глубоким декольте и бальными буклями.

Фуфочка скривила губки и подумала: «А увидит ли Капитон меня тут, в зале, в пятом ряду? Нет, не увидит. Он рассказывал, что со сцены он ощущает только чувствен-

ные токи, исходящие от людей. Боже мой, кто из присутствующих тут мог быть таким чутким и таким талантливым? Эти низкие люди могли только каблуками стучать и освистывать современное искусство».

Так думала Фуфочка, а спектакль между тем всё не начинался. Оживлённый шум перерастал в ропот, галёрка начала посвистывать. Неожиданно кулисы раздвинулись, и перед публикой предстал конферансье. Его красное лицо блестело, а узкий воротник рубашки явно был тесен.

— Дамы и господа, вынужден сообщить, что спектакль задерживается по непредвиденным, хм... обстоятельствам. Пока актёры готовятся к выходу, прошу сохранять терпение и прослушать старинную балладу о любви.

Следом за конферансье вышел тощий актёришка в костюме средневекового менестреля. Он поклонился и забренчал на мандолине, напевая гнусавым голосом что-то про чёрные глаза и испанскую ночь.

— Ни к селу, ни к городу, — рявкнул кто-то сзади.

Все зашумели, зашуршали, оглядываясь и посмеиваясь шутке самого нахального зрителя. Фуфочка беспомощно вскинула брови и посмотрела на Захара Куличкова, тот невозмутимо пожал плечами, слегка разведя руки. Автоном Демьяныч тихо произнёс «мдя» и поковырялся пальцем в ухе.

Гнусавый певец поклонился и забренчал вторую мелодию. Она потонула в свисте галёрки. Мужественный менестрель допел куплет и исчез за кулисами. Наконец, занавес раздвинулся, и перед зрителями предстала пустая сцена. В её центре стоял столик, накрытый для чаепития. Два белых стула с изогнутыми спинками казались невесомыми, почти игрушечными. Фанерные деревья с приклеенными к ним бумажными цветами, видимо, символизировали весну и пышное цветение садов. Медленно из темноты кулис вышла актриса в белом кружевном платье, она держала в руках зонтик. Дойдя до середины сцены, она картинно оглянулась и произнесла:

— И вот я здесь, одна в тени дерев. Где же ты, мой дорогой месье Анжу? Где ты, мой златокудрый ангел? Мы должны, наконец, объясниться. Сейчас или никогда.

Фуфочка в волнении нащупала ладонь жениха и сжала её. На сцену из-за другой кулисы медленно вышел мужчина. Он был совершенно лыс. Но хуже всего было то, что на актёре был надет настолько тесный камзол, что, казалось, будто пуговицы вот-вот отлетят в первый ряд.

— Я здесь, моя любовь, — пафосно произнёс Капитон Коряцкий в роли соблазнителя месье Анжу, и зал залился хохотом. Хихикал партер, смеялись ложи, грохотал бельэтаж, свистела галёрка.

— Златокудрый ангел! — повизгивали сзади. — Плешь прикрой!

Кто-то сердобольный из служителей театра дёрнул рычаг, и занавес медленно поехал, закрывая сцену с двумя несчастными служителями Мельпомены. Фуфочка беззвучно рыдала, закрывая лицо веером. Автоном Демьяныч хохотал, вытирая слёзы огромным батистовым платком.

— Вот так бенефис, вот так угодил! — повторял он беспрестанно.

Захар Пантелеевич сохранял невозмутимость и полное спокойствие, словно ничего дурного и не случилось. Конферансье вышел на сцену и произнёс, что спектакль отменяется, зрителям будут возвращены деньги за проданные билеты. Его слова утонули во всеобщем хохоте.

— Возвращать билеты? Боже упаси! — смеялся почтмейстер со своей женой и дочерью. — Я сто лет так не веселился.

— Наверное, у артиста украли парик и камзол!

— Директор реквизит пропил!

Фуфочка слышала, как стучат каблуки, как беснуется галёрка. Люди вставали и направлялись к выходу, а она словно приросла к креслу. Девушка и не заметила, как оказалась едущей в коляске в сторону модной ресторации «Палкинъ».

— Ужин-то заказан, — резонно заметил Захар Пантелевич, — пусть господа актёры и не пожелают к нам присоединиться, так чем мы им поможем? Тем, что голодными останемся?

— Ничего вы в театре не понимаете, ничего, — тихо всхлипывала Фуфочка, и её жениху даже стало жаль её немного. Совсем чуть-чуть.

Автоном Демьяныч поддакивал, а сам подсчитывал, во сколько обошёлся его будущему зятю трёхдневный бенефис Капитона Коряцкого.